

ОНДСТЫРСКИЙ ВЕСТНИК

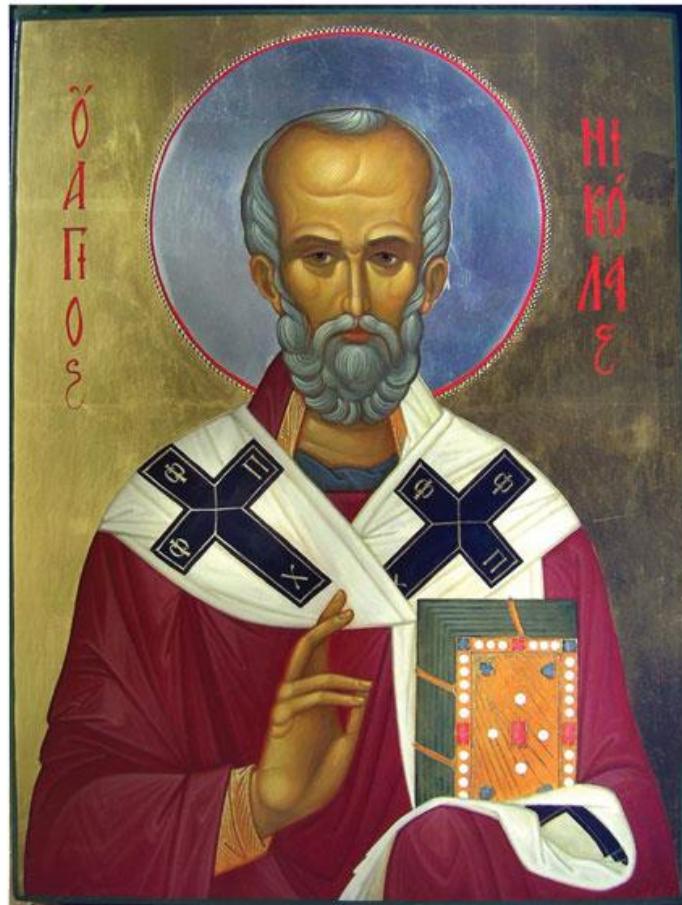
Издание Вознесенской
Давидовой пустыни
№9 (19 декабря 2012)

Дорогие братья и сестры!

Дорогие братья и сестры, сердечно поздравляю всех вас с днем памяти святителя Николая, с престольным праздником нашей обители! Святитель и чудотворец Николай всегда был особо почитаем и любим русским народом, особо близок ему. Вся его жизнь является свидетельством веры Христовой и примером кротости, смирения и мудрости. Святитель Николай жил к концу третьего — начале четвертого века. Время это было очень трудным для Церкви, ее преследовали ереси и расколы. Святитель Николай, будучи ревностным служителем истинного православия, молитвы свои и труды направлял на сохранение чистоты веры и единства Матери-Церкви. Получив от Господа при жизни дар чудотворений, святитель Николай помогал людям во всех их нуждах и скорбях. Спасал от смерти невинно осужденных, погибающих на море, помогал бедным, исцелял больных. Не оставляет он нас своим заступничеством и после своего преставления. Наверное, каждый может вспомнить в своей жизни случай, когда по обращении к Николаю Угоднику, получил помощь святого. Сейчас все мы, вся Россия, переживаем непростое время. Каждый день становится испытанием нашей веры и верности Христу. Именно сейчас пример жизни святителя Николая может поддержать нас, укрепить, дать силы быть истинными христианами — любить ближних, помогать нуждающимся, хранить верность своей вере и отечеству.

Считается, что сугубо святитель Николай покровительствует путешествующим, так пусть же сегодня каждый из нас обратится к угоднику Божию и чудотворцу с молитвой, чтобы он своим представительством перед Богом, управил наш жизненный путь к Царству Небесному. Храни вас всех Господь!

С любовью о Господе.
Игумен Сергий (Куксов).

Жизнь и деяния святого отца нашего Николая

*Симеон Метафраст, византийский писатель,
государственный деятель, X в.*

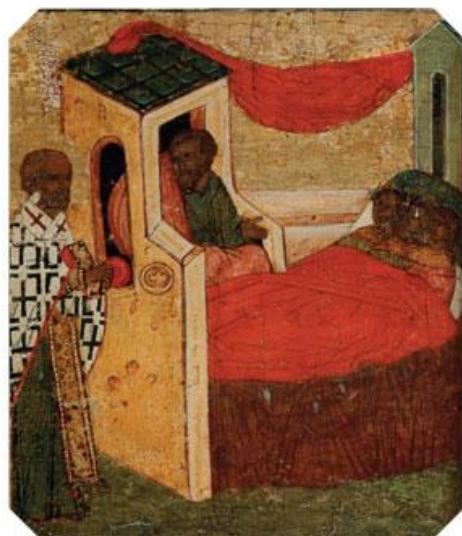

тчизна этого великого и пречудного отца — славный некогда ликийский город Патара, родители — люди благородные, достаточные, но не богатые, чужды мирской славы и роскоши, прекраснейший для будущего их сына пример нестяжательности, ибо заботились только о добродетели и всячески к ней стремились. Они, посаженные при потоках благочестия, вовремя приносят плод (Пс. 1; 3) — святого Николая, и затем чрево матери заключает родовые муки, так что она остается впредь бесплодной и бесчадной, словно сама природа признает, что невозможно женщине этой родить другое подобное чадо. Мать, родивши этого своего первого и последнего благородного отпрыска, дала, однако, вместе с мужем обильный плод духу (ибо они благословенны были подлинным благочадием), сокровищницу добродетелей, я разумею пречудного того Николая. Отпрыск таких родителей, святой Николай, бесплодием своей матери явил свидетельство сродства с Крестителем, потому что тот рождением своим разрешил родильные муки матери, а этот навечно скончал. Когда он был младенцем и лежал у материнской груди, Бог показал, каким будет Николай, достигнув разумного возраста. Ибо всю седмицу он, как младенец, сосал грудь, а по средам и пятницам вкушал молоко по разу в день, да и то лишь вечером, следя еще до вступления в детский возраст святому правилу и с самого начала показывая

склонность к воздержанию. Так он рос, усваивая добрые нравы частично от родителей, а частично, как тучная земля, сам порождал их и взращивал; когда же пришло время, его отдали учителю.

Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай пре-взошел большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился недостойных собрищ и бесед, уклонялся вступать в разговор с женщинами и даже не смотрел на них, забоясь лишь об истинно разумном. Попечением дяди, заменившего ему отца, тогдашний предстое-тель церкви в Мирах рукополагает его во пресвитеры; так, Богом дарованный родителям, по их молитве он возвращается Богу.

Некий муж, из славного став бесславным и нищим из богатого, так как терпел нужду во всем, даже в самом насущном — увы, вот до чего может дойти нужда,— решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на вырученные деньги себе и детям своим доставлять пропитание. Ибо выдать их замуж он не мог, так как по крайней их бедности девушки сразу стали гнушаться. Вот в такой-то этот человек был беде, и такое ужасное дело замыслил, и уже принял, жалкий, его устраивать. Но ты, Господи, благой источник всяческого блага, человеколюбиво призывающий на наши нужды, устрояешь так, что это доходит до ушей свято-

го Николая, и посылаешь его как доброго ангела-заступника к тому мужу, вот-вот готовому взять грех на душу, дабы облегчить его бедность и спасти от зла еще горшой бедности. И вот, взяв тяжелый узелок с золотом, он поздней ночью идет к дому бедняка и, вметнув узелок через окошко внутрь, тотчас поспешает домой, словно боясь, что его при этом увидят. Встав поутру, тот человек нашел золото. Развязав узелок, он поразился и почел себя обманутым, так как опасался, что золото это не настоящее. Откуда же мог он его ждать, когда благодетель не желал, чтобы благодетельствуемый был свидетелем его поступка? Бедняк потер пальцем золото, внимательно разглядев и, убедившись, что это подлинно золото, радовался, дивился, недоумевал и от счастья плакал. Когда же по долгом размышлении не нашел никого, кому мог бы приписать случившееся, подумал, что это дар Божий и заплакал слезами благодарности. И, разумеется, прежде всего он

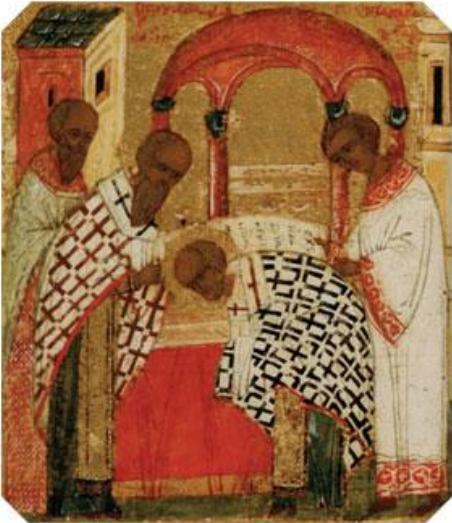
поспешил исправить то, что послужило причиной его прегрешения перед Богом, и тотчас же выдал замуж старшую из своих дочерей, дав ей хорошее приданое — полученное им золото. Когда это стало известно пречудному Николаю и он узнал, что бедняк исполнил его волю (ведь сам он как раз желал браком уничтожить причину зла), принял решение сделать то же и для второй дочери. Ночью, тайно ото всех, он вметнул через окошко такой же узелок с золотом. Утром человек тот встает и опять находит золото и, как в первый раз, удивляется. Он падает ниц, с горячими слезами говоря: “Господи, творящий милосердие, Спаситель мой, некогда вследствие ослушания моего воплотившийся и ныне исхитивший меня и моих дочерей из сетей диавола, открай мне исполняющего волю Твою, ангела среди людей, подражателя Твоей благости, покажи, кто избавил меня от тягот бедности и освободил от злых намерений. Ибо вот я по милости Твоей законному мужу отдаю свою вторую дочь, не ставшую добычей диавола и не принесшую мне прибытка, злейшего, увы, урона”. Так он сказал и, не медля, совершил брак второй дочери, уже воспрянув духом и питая добрые надежды, что и для третьей дочери найдется муж. Ибо он был спокоен, что за приданым ее дело не станет, заключая это, как естественно, из примера двух первых своих дочерей. А потому он был начеку и все夜里 проводил без сна, опасаясь, как бы добрый податель богатства не пришел незамеченным, и решив, если он снова появится, обеими руками удержать его и спросить, кто он и откуда у него столько золота. Так он бодрствовал в ожидании своего благодетеля.

Глубокой ночью слуга Христов Николай неслышно приходит в третий раз и, дойдя до обычного места, снова через то же окошко мечет такой же узелок золота и тотчас удаляется. А отец дочерей, услышав стук упавшего на пол золота и поняв, что пришел его благодетель, со всех ног бросился ему вслед. Догнав своего благодетеля и увидев, кто он — ибо по своей добродетели и знатности святой был всем известен,— бедняк падает к ногам Николая, называя его своим освободителем, заступником и спасителем душ на краю их погибели. “Если бы,— говорил он,— великий в милости своей Господь не послал мне твоих благодеяний, я бы, злосчастный отец, увы мне, давно погиб вместе с тремя дочерьми. Но через тебя Он ныне спас нас и избавил от страшного греха, „из праха поднимает бедного, из бремя возвышает нищего” (Пс. 112; 7). Так говорил он святому и со слезами радости и с горячей верой припал к его блаженным стопам. А Николай, поняв, что узнан этим человеком, поднял его и заклинал во всю жизнь не говорить о том, что произошло, чтобы сострадательность его сохранилась в тайне.

Как-то Николай задумал посетить Палестину, чтобы увидеть святые места, где пострадавший за нас Господь свершал свое земное житие. Николай поплыл прямым путем в Египет. Моряки не подозревали о том, что им грозит, а он возвещает им бурю и сильный ветер. Едва святой смолк, словно по какому-то невидимому знаку, сильный вихрь с неба столбами вздымает морские воды. Не менее были взволнованы души всех, кто был на корабле, и люди, окружив Николая, молились Богу и просили святого защитить их, терпящих

страшное бедствие и не видящих избавления от зла, и надеялись на его помощь, ибо слышали пророчество. Он ободрил их и обещал скорое избавление от бедствий. И действительно, все ужасы нежданно кончились — море успокоилось, и настала великая тишина, и люди, забыв о недавних слезах, стали веселы, благодарили Бога и его слугу, и дивились веющим словам и помочи Николая. Из тех мест святой направляется ко Гробу Господню и к честной Голгофе.

Довольно пробыв в Палестине, Николай снова морем возвращается на родину. Так как в Мирах незадолго до этого предстоятель церкви оставил престол своей и жизни и отошел к Богу, епископы и избранные мужи клира ревновали о том, чтобы вверить престол достойному. И вот, когда все они собрались, некто по внушению Божию и собственной своей мудрости подал совет решить все с помощью молитвы. Единодушие было полным, словно каждый и ранее держался этой мысли, и Бог, исполняя желания боящихся его и услышав их мольбу, открывает одному из них того, кто станет во главе церкви. Этому мужу было божественное откровение: “Кто первым войдет в храм, тот подвигнут Духом Моим. Имя тому мужу - Николай. Его поставьте епископом, ибо он предызбран”. Божественный тот муж, так получив откровение, возвестил об этом собору и клиру. Уже на рассвете и блаженный Николай, подвигнутый Божественным Духом, приходит в церковь. Когда он вступил в преддверие, удостоенный того видения муж берет его за руку и тотчас спрашивает: “Как тебя, дитя, звать?”. Святой уважительно и просто отвечает: “Я грешный Николай, владыка, раб твоей святости”.

Божественный тот муж, услышав от великого эти смиренные слова, по тому, что его зовут Николаем, и по выказанному им великому смиренномудрию, понял, что он тот самый, на кого указал Бог, тотчас исполнился радости, словно нашел утаенное сокровище, и, почтя встречу с Николаем счастьем, говорит ему: “Следуй за мной, дитя”, и приводит к епископам. Те тотчас вспоминают сказанное им ранее, и душа их тоже исполняется божественным ликованием; ибо они считают, что и добродетель Николая согласуется со словом Божиим. Затем епископы немедля ведут святого во храм. Всюду распространяется молва о чуде — ведь в подобных обстоятельствах она обычно стремительно летит на быстрых крыльях — и стекается несметная толпа народа. А епископы громким голосом говорят: “Примите, братья, своего пастыря, которого избрал нам Дух Святой и которому вверил путеводить и усовершать наши души, кого поставила над нами не человеческая, а Божественная воля. Вот мы обрели мужа, в ком имели нужду, нашли ныне, кого искали. Пасомые и благонаправляемые им, мы исполнены надежд, что усовершившимися предстанем пред Богом в день явления Его и откровения”.

Но диавол посмотрел на это

своим злобным оком. Он не мог терпеть, что процветает благочестие, и, не медля, вселился во власть имущих и тотчас начал яростное гонение, и повсюду полетели императорские приказы, призывающие верных отречься благочестия. Всех, не желающих подчиняться, ожидали оковы, темницы, страшные пытки и, наконец, насильственная смерть. Вскоре зло это, взяв себе в помощники крылатых слуг, преданных поборников нечестия, достигло Мир. Божественного Николая, так как он славен был в Мирах как ревнитель Христианской веры и поборник благочестия, схватили первые люди Мир. Он был приговорен к оковам, дыбе и множеству других пыток, а затем вместе с многими христианами заключен в темницу. Но после ненастя выходят нежданно солнце, и после порыва бури веет тихий ветер. И человеколюбивый мой Христос, взирая с Небес на народ Свой, сокрушает и губит все скипетры нечестия, диоклетианов, максимианов и всех последующих языческих императоров, и воздвигает Своему народу рог спасения (Лук. 1; 69), и знамением звездного Креста призывает Константина, сына Константа и Елены, и дарует ему ромейский скипетр. Когда Христианская вера подчинила себе всю Его державу, исповедники Христовы возвратились вовсю. Миры встретили своего архиерея Николая как мученика, приявшего бескровный венец.

Когда Константин, первый благочестивый император, правил державой ромеев и великий его архиерей, наставлял народ православным догматам, с корнем вырывая все враждебное и несогласное с ними, в Никее собирается все православное духовенство, чтобы утвердить основы

вы благочестивой веры, предать осуждению богохульную ересь Ария и упрочить во всей церкви мир. Оно постановляет считать Сына равночестным Отцу и единносущным. Пречудный Николай тоже был на этом святом соборе и решительно восстал против ереси Ария. Опровергнув ее и определив для всех незыблемый канон православной веры, он покидает Никею и возвращается к своей пастве, путеводя всех к добродетели и поучая еще ревностнее прежнего. В скором времени тайфалы (германское племя, жившее за Дунаем) поднимают в Великой Фригии восстание. Император Константин, узнав об этом и созвав из-за этого совет, посыпает во Фригию трех Стратилатов (высокий военный чин), их звали Непотиан, Урс и Герпилион, успокоить тайфалов и восстановить порядок. Поспешно покинув Константинополь, они остановились в одной из гаваней Мир ликийских, называемой Андриак. Так как волнение на море не позволяло плыть дальше, стратилаты недолго задержались там. В это самое время к святому подходят какие-то жители Мир и, припав к его ногам, горячо просят защитить от обидчиков и положить конец их страданиям. “Игемон Евстафий,— со стоном и слезами говорили они,— подкупленный тем, кто служит зависти и злу, трех мужей из нашего города, совершенно ни в чем не повинных, осудил на смерть. Город весьма горюет и печалится о них и в этой великой беде просит тебя прийти к месту казни, ибо, если явишься ты, солнце не увидит здесь такого злодействия”. Услышав их жалобы, этот человек Божий, подражавший сострадательности Господней, страждя о них душой, одевается ревностью и бесстрашием, берет с собой упомянутых стратилатов

и тут же отправляется в путь. Оказавшись в некоем месте под названием Леон, он стал спрашивать мимо идущих людей, не слышали ли они чего-нибудь про тех мужей и не знают ли, где они находятся. Люди те отвечают: “На равнине у так называемых Диоскуров” (храм Крикента и Диоскорида). Николай тотчас отправился к храму во имя святых Крикента и Диоскорида и, узнав, что приговоренные к казни только успели выйти за порог его и их ведут в Виру (это место, где казнят преступников), поспешает и, восполнив бессилие старости сердечным пылом, скоро приходит в указанное ему место. Сколько доставало сил он побежал к палачу, смело выхватил из его рук меч, и, ничего не страшась, бросил на землю, и осужденных освободил от их оков. Никто не воспрепятствовал его самовластному поступку, так как все знали, как я думаю, его великую добродетель и чтили любовь к справедливости. Сильное ликование вызвало у спасенных слезы, и все они издавали радостные клики из-за неожиданно наступившей перемены.

Но не суждено было, чтобы звисть снесла это и взоры злых стерпели; потому некие люди, прия к эпарху города, из-за того что те стратилаты попали в

большую, чем они, честь, сплетают против них оговор: они, мол, замыслили какое-то зло, и их намерение чревато большими опасностями. “Стратилаты,— говорили эти клеветники,— как мы слышали, стремятся к перевороту и готовят заговор против императора”. Эпарх тотчас идет к императору и сообщает то, что от них слышал, уговаривая без расследования дела схватить стратилатов и заключить в темницу, “чтобы они,— говорил эпарх,— не могли привести свой замысел в исполнение”. Император последовал его совету и заключил стратилатов в темницу. Они же не знали, почему у них отняли свободу, ибо были далеки от каких бы то ни было злоумышлений. Эпарх своими льстивыми речами пытается ввести императора в заблуждение и говорит: “Люди, владыка, злоумышляющие против твоего величества, хотя ты осыпал их милостями, и в темнице не отказались от своих замыслов, и никто из них не раскаялся; они и до сих пор придерживаются прежнего образа мыслей и не перестают строить козни. Теперь, если будет на то твоя воля, мы их накажем по заслугам, в противном случае должно опасаться, как бы они не опередили нас и не нанесли нам вреда”. Эти слова встревожили императора инушили ему опасения. Чтобы освободить ум свой от забот и в будущем не испытывать страха, он осуждает невиновных на смерть. Казнь была назначена на следующий день, ибо император вечером произнес свой приговор. Зловещий вестник казни приходит к тюремщику и объявляет ему решение императора. А тот, горько оплакав злосчастье узников, ибо был, очевидно, много человеколюбивее эпар-

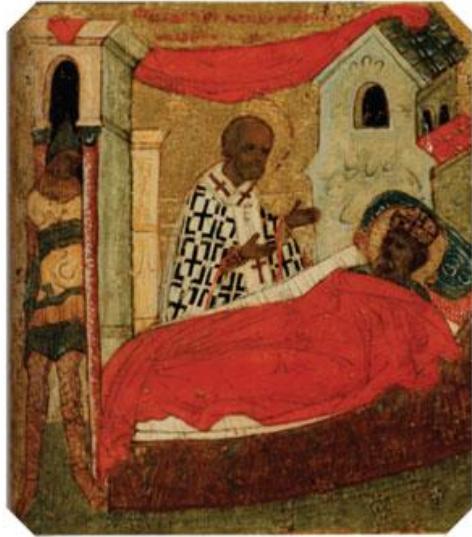
ха, а кроме того, успел уже стать им добрым другом, печально идет к ним и говорит: “О, если бы я не вел с вами бесед, и вы не пробыли здесь так долго, и я не делил с вами трапезы! Легче я перенес бы тогда несчастье, меньше страдал бы из-за разлуки с вами, и скорбь так не омрачала бы мою душу. Ведь завтра мы расстанемся друг с другом для последней и горчайшей, увы, разлуки, и я уже не увижу вас, которых люблю, не услышу ваших речей, не преломлю с вами хлеба, ибо вы приговорены к смерти. Если хотите сделать какие-нибудь распоряжения ка-сательно своего имущества, час для того настал, иначе смерть может опередить вас”. Так он сказал в печали, горько оплакиваая их казнь. Они же — что же делать в такой беде душе, не знающей за собой вины, заслуживающей смерти? — разорвали на себе одежду и в тоске терзали волосы, говоря: “Какой демон с завистью взглянул на нашу жизнь? Почему мы должны умереть как преступники? Какое за-служивающее казни деяние мы совершили?”.

Пока стратилаты так горько се-товали и оплакивали свою, увы, печальную долю, один из них, Непотиан, вспомнил, как Николай подал помощь трем мужам из Мир и избавил их от смерти, чудесно став их спасителем и добрым заступником. И вот, говоря про это между собой — ведь беда делает людей изобретательными и побуждает душу измышлять всевозможные выво-ды, они прибегают к заступничеству божественного Николая, сказав: “Господи, Боже Николая, некогда освободивший трех мужей от неправедной казни, ныне призри на нас, ибо среди людей у нас нет заступника. Вот сердце наше томится, и скорби его мно-

жатся, и некому избавить нас от этого испытания. Вот голос покидает нас еще до смерти, и язык пересох от пламени сердца, и мы уже не можем обратиться к тебе с мольбой: „Да предварят нас щедроты Твои, Господи»(Пс. 78; 8), не попусти несправедливости свершиться, не потерпи неправой казни. Избавь нас от руки тех, кто ищет нашей смерти, и поспеши на помощь, ибо утром мы должны умереть”.

Ночью пречудный Николай во сне явился императору и сказал: “Император, немедля восстань ото сна и освободи из темницы трех заключенных там стратилатов, ибо их оклеветали”. Затем

он рассказывает, какую несправедливость они терпят, и подробно повествует об их злосчастии, и грозит, если император не погинет, воздвигнуть против него войну и погубить его злой смертью, чтобы свершилась над ним тягчайшая кара. Пораженный дерзкой речью мужа и тем, как он поздней ночью проник во дворец, император спросил: “Кто ты, осмеливающийся устрашать меня такими словами и грозить моему величеству?”. Он отвечает: “Николай из Мир”. Тотчас император, устрашенный видением, встает с ложа, а святой подобным же образом является во

сне эпарху Авлавию и его также обвиняет в преступлении против стратилатов; когда эпарх, подобно императору, спрашивает, кто он, говорит: “Раб Христов Николай”. Авлавий проснулся и задумался над своим видением, пытаясь понять и природу его и что оно значит. Тут к нему является какой-то посланец из дворца и пересказывает сон императора, а эпарх передает содержание своего сна. Оба поражены этим удивительным чудом, и император, и эпарх, словно по договору, видевшие одинаковый сон. Так как они не могут истолковать свое видение, император призывает из темницы стратилатов и, когда они предстают перед ним, говорит: “При помоши какого колдовства вы заставили нас увидеть сны, воздвигающие столь великую брань и столь страшные угрозы?”. Они же, не чувствуя за собой никакой вины, вопрошали друг друга знаками, знает ли об этом другой, и переглядывались в недоумении. Император, видя это, смягчается и, приблизившись, велит им отвечать. Глаза у стратилатов наполняются слезами, и они с воплем говорят: “Мы, о император, не сведущи в волхвании и не замышляли никакого зла против твоего величества, свидетель тому всевидящее око Господне. Всякий раз, как вражеская рука грозила твоему величеству и время требовало доблестных людей, ты, презрев других, облеченных равной с нами честью, выбирал, увы, нас и нам поручал отражать твоих врагов. Мы охотно повиновались твоему приказу, принимая на себя этот труд и с Божией помощью успешно воздвигая против врагов твоих свою доблесть, что, я уверен, подтвердят все. Ныне зависть вооружила против нас то, что прежде служило при-

чиной нашего благодеяния, и мы признаны виновными и, увы, как ты видишь, ждем самого страшного наказания. Так что доказательство нашей преданности тебе, о император, стало для нас причиной тягчайшей кары, и вместо ожидаемой славы и справедливого воздаяния мы страшимся за свою жизнь и ждем наказания за последний и злосчастный свой подвиг. Как, о солнце, как, о справедливость, вы можете взирать на это!” Душа императора была потрясена этими словами, и он стал раскаиваться в совершенной против стратилатов несправедливости. Император, прежде почитавший Бога и его слуг, и ныне не изменил свойственной ему добродетели. Лишь услышав о Николае, он вспомнил свое видение и заступничество Николая за невинно осужденных и, удивившись его великой ревности, милует стратилатов, говоря: “Не я дарую вам жизнь, но тот, кого вы призывали на помощь и который и нас пробудил ото сна, горячо заступаясь и печалясь о вас. Ступайте теперь к нему и, приняв пострижение, воздайте этим Николаю благодарность, а от нашего имени скажите ему: „Вот я исполнил твое веление — не угрожай мне”». Так император сказал и вручил им Евангелие в золотом окладе и сосуд, тоже украшенный золотом и драгоценными камнями, и два золотых подсвечника, велев пожертвовать это в храм города Мир.

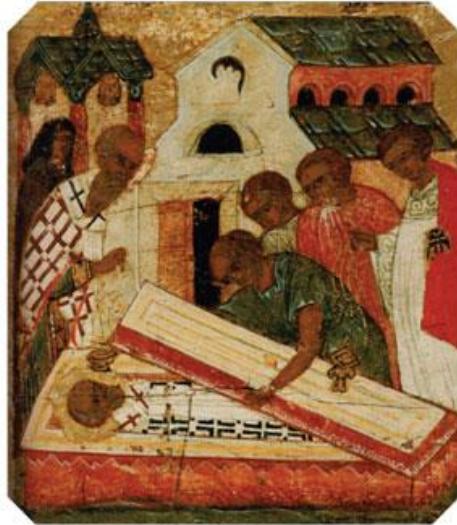
Дошедшее до нас древнее предание представляет Николая старцем с ангельским лицом, исполненным святости и благодати Божией, добавляя еще и следующее: если кто еговстречал, едва взглянув на святого, усовершался и становился лучше, и всякий, чья душа была отягощена каким-нибудь страданием или печалью, при одном взгляде

на него обретал утешение. От него исходило некое пресветлое сияние, и лик его сверкал более Моисеева. Если инаковерующим случалось встретиться с ним где-нибудь по дороге и лишь услышать сладчайший его глас, они уходили, отвергшись ереси, в которой с детства возросли, и утвердившись в истинном учении. Столь славно совершив свою согласную с добродетелью жизнь и умастившись в Мирах цветами от Бога полученных даров, как бы благовонным и поистине сладостным мирром, достигнув глубокой старости и совершив множество дней Божиих и разрешающих, он, будучи человеком, должен был подчиниться общему закону естества и на малый срок впал в недуг. Время это святой проводил, благодаря Бога и распевая отходные и прощальные песнопения, и с радостной надеждой ждал от-

шествия. Ибо как для других желанна жизнь во плоти, так для него желанно было отречение от плоти. И вот он разрешается от бренной и кратковременной жизни, соприсутствует сиянию ангелов и ликует вместе с ними в лицезрении ясного и чистого света Троицы; его честное тело святые епископы и весь клир, одетые в светлое облачение, перенесли в храм Мир, и с того дня оно начало источать миро, целящее душевые и телесные недуги. Со всей земли туда стали устремляться люди, чтобы получить от неиссякаемой этой благодати.

Таковы были, Николай, дары Божии, таковы воздаяния за твои труды, таковы награды за подвиги в сей жизни..Насколько мы знаем о твоих действиях, я без колебаний могу назвать тебя славным мучеником, венчанным бескровным венцом,

ибо единственно с помощью молитвы ты оборол силу нечестия, и, благовоззванный из изгнания, вернулся к христианам блестательным победителем, и вторично восприял прежнюю честь во Господе нашем Иисусе Христе, которому вместе с Отцем и Святым Духом слава, сила и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Радость покаяния (из бесед во время Рождественского поста).

Митрополит Антоний СУРОЖСКИЙ.

Fовение - это момент, когда с обновленной силой и снова, по-новому мы должны задумываться над жизнью и над собой. Над жизнью - какой ее Господь задумал для нас, и над собой - какой мы эту жизнь сделали. В том и заключается покаяние, чтобы измерить расстояние между тем, что задумал Господь, и тем, что мы осуществили; между тем, что нам было дано и что мы использовали или нет, исполнили либо не исполнили. Это надо делать - и не раз в жизни. Мы часто оставляем эту задачу до нашего предсмертного часа, до послед-

ней нашей болезни, до момента, когда вдруг обнаружим, что неисцельно больны или что находимся в смертельной опасности. И тогда, перед лицом страха, перед лицом смерти, перед опасностью мы вдруг делаемся по отношению к себе, к жизни, к людям, к Богу - серьезными. Мы перестаем играть в жизнь. Мы перестаем жить так, будто пишем только черновик, который когда-то позже - о, много позже! потому что кажется, что времени-то столько впереди - будет превращен во что-то окончательное. И никогда этого не бывает, потому что старость, одряхление

тела, ослабление ума, внезапная смерть, обстоятельства застают нас врасплох и уже не дают времени. И очень страшно думать, что может настать момент, когда окажется поздно. Достоевский в "Братьях Карамазовых" маленькую главу посвятил ад; для него ад - это момент или состояние, когда человек скажет себе: "Поздно! Я прошел мимо всего...; единственное, что было на потребу, единственное, для чего стоило жить, чем стоило жить, я уже больше исполнить не могу; я никому больше не нужен. Было время, когда я мог любить умно, сердечно, творчески; те-

перь я этого больше сделать не могу; я вошел в вечность, в которой любовь изливается от Бога; моя любовь никому больше не нужна. На земле - да, она была нужна очень многим; очень многим нужно было, чтобы я на них обратил внимание, чтобы я их заметил, чтобы я умел их увидеть глубоким, проницающим взором; чтобы я умел прислушиваться к ним и слышать не только пустые звуки, слова, а то, что за словами кроется: крик, плач, радость или страх живой души перед своей жизнью..."

Картина, которую дает Достоевский и которую я сейчас развел - реальна: будет момент, когда пройдет время; будет момент, когда жалеть, творить, активно любить будет уже поздно... Наша любовь, наше творчество, наши мысли и слова уже никому не будут нужны, потому что все мы будем стоять перед Божией любовью, Божией мудростью, и Божией правдой, и Божиим судом.

Спаситель нам говорит: "Ходите, пока есть свет; когда настанет тьма, уже будет поздно ходить, и некуда, и не будет ни пути, ни дороги...". У нас еще есть время, а сколько его - мы не знаем. Сейчас сидим здесь, полные жизни, пусть даже на склоне лет, но живые; одно мгновение - и кто-либо из нас может, внезапно застигнутый смертью, предстать перед Богом. В этом смысле смерть нам напоминает о том, что надо спешить жить со всей глубиной, на которую мы способны. В раз-

ные годы, в разном возрасте, при разных обстоятельствах мы должны жить по-разному. Один французский стихотворец сказал: "В молодом человеке горит огонь; в старом человеке светит свет". Надо уметь, пока горит огонь - гореть; но когда прошло время горения - суметь быть светом. Надо в какой-то момент жизни быть силой, а в какой-то момент быть тишиной. И каждый из нас должен задуматься над тем, где он находится и уме-

но ли (когда - нам неведомо) встанет перед Божиим судом. Божий суд не заключается в том, чтобы Господь измерял наши добродетели, чтобы Он расценивал нашу искушенность в предметах веры. Подумайте над тем евангельским чтением, которое предшествует Великому посту: притча Христова об овцах и козлищах. Все вопросы, которые там ставятся, сводятся только к одному: когда ты был на земле, у тебя сердце было каменное или

живое? Ты голодного накормил? Холодного согрел? Нагого одел? Заключенного в тюрьму, отверженного людьми, посетил? Была ли в тебе жалость или в тебе жило только безразличие, надменность, самодовольство, как у богача, который пировал, тогда как у его порога с голоду и холodu умирал Лазарь?.. Это единственный вопрос, который ставится: было ли у тебя человеческое сердце или камень вместо него? Если у тебя была человеческая любовь, то она может расцвести в меру Божественной любви; но если человеческой любви нет,

то с чем может соединиться любовь Божия?..

И не надо убегать этого суда над собой, говоря: "Я же люблю людей!.." Всех людей, когда они далеко, мы все любим. Один писатель дает такую характеристику одному из своих героев: этот человек так любил человечество, что ненавидел всякого отдельного человека, который уродовал в его глазах совершенный облик человечества... Нереальное,

ет ли он совершить этот переход от творческой силы до созерцательного света. Людям порой больше нужен свет, чем наша деятельность; нужен свет, нужно молчание, нужна тишина, нужно то глубокое, безмолвное понимание, которое можно дать человеку только тогда, когда сам внутренне успокоишься, не путем застоя, а путем углубленной внутренней тишины...

Каждый из нас, рано ли, позд-

несуществующее человечество - да, он любил; а конкретного человека или конкретную толпу он вынести не мог. В реальных людях он видел уродство, а мечтал он о совершенной красоте небывшей, небывалой и которой никогда не будет до Второго пришествия. Разве наша любовь к людям не такова? Мы любим очень немногих, но и тех не умеем любить без оглядки, без условий. Мы ссоримся, холдеем, отворачиваемся... Апостол Павел нам говорит: "Друг друга тяготы носите, и так вы исполните закон Христов". Тяготы - это не только невзгоды, это вся тяжесть другой личности, другого человека. Некоторое время нести тяготу чужого горя, не очень продолжительной болезни, короткой ссоры мы все умеем; но как страшно бывает видеть, что когда у человека горе неизбывное, болезнь не кончается, нужда не прекращается, то после короткого срока, в течение которого мы жалеем человека, окружаем его вниманием, носимся, возимся с ним, мы начинаем холдеть: неужели конца-края не будет его болезни, его нужде, его горю? Пора бы ему выздороветь! Пора бы ему встряхнуться, опомниться! Неужели всю жизнь мне с ним возиться?!.. Не так к нам относится Господь. Пока наша жизнь длится, десятилетиями Он терпит, Он ждет. Он надеется; и Он активно все время, все время старается нам помочь...

Не в том беда, что мы не многих любим, - мы неспособны любить очень многих, наше сердце слишком узко (как говорит апостол Павел: тесно в ваших сердцах...). Но как мы плохо, нетерпеливо, неласково, неумно любим и тех, о которых говорим, что они нам дороги! Как нам надо задуматься над теми, кто нас окружает, и по-

ставить себе вопрос: какова моя любовь к ним? В радость - или в тягость? Потому что бывает и так, что наша любовь может удушить человека, она для него не свобода, а рабство; человек стонет от того, что мы называем "любовью", когда мы знаем лучше него, в чем его счастье, что ему нужно, где его радость, когда мы у него отнимаем всякую искорку свободы, творчества, потому что сами хотим управлять его жизнью так, чтобы ему "лучше" было...

Когда мы думаем о покаянии, нам всегда представляется темная или серая картина скорби, сжатого сердца, слез, какого-то неизбывного горя о том, что наше прошлое такое темное и недостойное: недостойное ни Бога, ни нас самих, ни той жизни, которая нам предложена. Но это только одна сторона покаяния или, вернее, это должно бы быть только одно мгновение. Покаяние должно расцветать в радость и в подвиг. Без этого покаяние бесплодно, без этого то, что могло бы быть покаянием, превращается в раскаяние - бесплодное и часто такое, которое убивает жизненную силу в человеке вместо того, чтобы его возбуждать и обновлять.

Только если пережить свой позор со всей возможной, всей доступной нам силой, можно оторваться от того, чем этот стыд вызывается. Если же стараться хоть отчасти, хоть сколько-то смягчить очертания своей греховности, сделать свой позор более приемлемым (хотя бы тем, что мы говорим о себе: "Грешен, как все", или: "Как же я мог иначе поступить!?"), если только мы стараемся заглушить в себе эту боль, то покаяние делается для нас невозможным. Потому что только от сознания ужаса, убийственной силы греха, от стыда

перед тем, что я недостоин самого себя, - не то, что других или Бога - мы можем найти силу вырваться из этого плена; пока этот плен выносим, мы в пленах останемся. В этом разница между нами и теми святыми, о жизни которых мы читаем, начиная с апостолов и кончая современными подвижниками веры. Они пошли на то, чтобы до конца испить чашу собственного стыда и вонзить в свое сердце, в свое сознание, во все свое существо острую боль о том, что они собой представляют. Но когда это случилось, то не надо ни в отчаяние впадать, ни останавливаться на этом. Вспомните, что повествует нам Евангелие, как апостол Петр хвастался, что и на смерть пойдет со Спасителем, что никто не оторвет его от Христа. А после того, как Спасителя взяли в плен, увлекли на беззаконный суд, к Петру подошла юная служанка, которая ничем не могла ему повредить, кроме как словом, и спросила, не были ли и он с Иисусом Назарянином. И он трижды отрекся! И ушел, вышел со двора; и обернувшись, встретил через открытое окно взор Спасителя - и горько запласал.

Вот этот момент, когда его вдруг охватил стыд о своем предательстве, о своей измене, о своей трусости, о своей неверности, своем бахвальстве, ужасом пронзил его сердце, и он ушел с горем. Но когда он встретил Спасителя, Христос его не спросил: "Не стыдно ли тебе? Как ты смеешь предстать передо Мной после того, как ты от Меня отрекся трижды?" Христос ему ставит другой вопрос: "Петр! Любишь ли ты Меня больше сих?" (то есть других апостолов, которые их тогда окружали). Разве может стоять вопрос о том, любит ли Петр Христа,

когда все говорит о том, что он Еgo не любит, раз мог отречься? И разве можно говорить и о том, что Петр будто способен Его любить больше других учеников? Другие ведь не отрекались; правда, бежали! - но хоть не отрекались... Если бы только Петр вспомнил слова Спасителя, сказанные в другом случае: "Кому многое прощается, тот много любит:". Речь идет о любви, потому что Господь видит глубины человека, а не поверхность, не только кажущееся, как видим мы. Когда человек совершил тот или другой поступок, скажет то или другое слово, мы понимаем поступок или слово по-своему. Христос смотрит вглубь и знает, какой человек стоит за поступком или за словом. Он не обманывается ни видимым, ни даже очевидным. И поэтому Он обращается к глубинам Петра, которые на какой-то момент заслонил страх, но которые открылись вновь, когда стыд его обжег и он вдруг оказался перед лицом и своей совести, и взора Спасителя. И Петр, который в тот момент, охваченный радостью, что он снова перед лицом Христа, что примирение возможно, что все возможно, даже воскрешение, возвращение из глубин смерти, - Петр говорит Христу: "Да! Я Тебя люблю!" И трижды спрашивает его Христос об этой любви - так же, как трижды Петр от Него отрекался. И в третий раз Петр, наконец, возвращается к другой реальности; не к тому глубинному чувству, которое в нем живет, которое составляет конечную сущность его любви ко Христу. Он возвращается к сознанию того, что любовь-то его потаенная, а предательство - явное. И он обращается ко Христу и говорит: "Господи! Ты все знаешь! Ты знаешь, что я отрекся от Тебя - но раз Ты ставишь

вопрос о любви. Ты, значит, знаешь, что я Тебя все-таки люблю... Да, я люблю Тебя!" И вот это - момент, когда завершается процесс покаяния. Грех совершен, падение имело место, человек опозорил себя вконец; его совесть, взор Господень ему об этом сказали. И он отзвался на этот взор и на суд совести ужасом отвращения к себе, плачем. А теперь его восстановливает Божия любовь.

Так Христос "исцелил" апостола Петра, то есть вернул цельность тому, кто разбрелся вдребезги своим отречением. Он как бы собрал эти куски воедино и из останков сделал цельного, монолитного человека. И потому Петр мог затем так доверчиво, прямо как равный с равным, говорить со Христом. Когда Спаситель ему сказал: "Следуй за Мной!" - Петр пошел, но, обернувшись, увидел поодаль Иоанна, и спросил Спасителя: "А он что? Ты меня вернул к жизни; не нуждается ли он, чтобы Ты и его вернул к жизни?" И тут Спаситель говорит твердо: "Что Я с ним сделаю - Мое дело; ты иди за Мной"... И это Он говорит каждому из нас, если только мы прошли через это огненное переживание, сгорели во стыде, приняли, согласились на ту невыразимо острую боль, которая может нас постичь, когда мы сознаем свою греховность.

И тут начинается радость, покаянная радость. В книге отца Софрония о старце Силуане есть рассказ о том, как когда Силуан был еще молодым, один из его односельчан совершил убийство, попал в тюрьму, отбыл свой срок; и после этого будущий старец Силуан видит на деревенском празднике, как этот мужик играет на гармошке и пляшет. Его охватил ужас, он к нему подошел и говорит: "Как

можешь ты плясать, веселиться, ты же человека убил!". И бывший этот убивец ему отвечает: "Да; но когда я был в тюрьме, я глубоко раскаялся и вдруг почувствовал, что Христос меня простили; и теперь я новая тварь". Это - завершение покаяния, новая жизнь, обновленность, рождение свыше; пусть частичное, пусть только начало вечной жизни, но вечной жизни, пришедшей в силе, покоряющей всего человека...

Так часто бывает, что кто-либо подходит ко мне на исповедь и говорит: "Не знаю, о чем исповедоваться, все одно и то же..." Эти слова говорят о преступном отсутствии внимания к жизни. Неужели кто-либо из нас после одного-единственного дня может сказать, что он исполнил все, что было возможно, и был всем, чем он мог быть? Что он был безукоризненно непорочен в своих мыслях и чувствах, что он не упустил ни одного поступка, который можно и надо было совершить, что не сделал ни одной вещи, которая была бы несовершенна? Кто может сказать, что его мысли не запутались, сердце не потемнело, воля не заколебалась, поступки или желания не оказались недостойными? Если человек может прийти на исповедь и сказать: "Не знаю, что говорить", - это значит, что человек никогда не задумывался над тем, чем он мог бы (а, следовательно, должен бы) быть, а только сравнивает себя со вчерашним днем или с другими людьми, которые так же плохи, как и он сам.

А когда мы говорим: "Вот, из года в год мы приходим и повторяем одно и то же", - это свидетельствует о том, что мы никогда не пережили ни стыда, ни боли; что мы вполне спокойно принимаем свою греховность. Да, я

лгу - но все лгут! Бесчинствую - все бесчинствуют; забываю Бога, - ну где же Его помнить? Прохожу мимо всякого человека, который во мне нуждается - но нельзя же останавливаться на каждом! И так далее...

Иногда человек говорит: "Я не могу вырваться из своих грехов! Если бы я совершил какой-нибудь один большой грех, может быть, я был бы потрясен; но все число моих мелких грехов ложится, как пыль, но не тяготит. Привыкаешь к ним, как привыкаешь жить в беспорядочной обстановке своей квартиры"... И мы не отдаем себе отчета в том, что какое-то число мелких грехов иногда труднее сбыть, чем один большой грех. Потому что этот большой грех - да, действительно, может нас так потрясти, что даже при нашей неспособно-

сти бодрствовать мы проснемся. А повседневные грехи... Есть рассказ в жизни русского юродивого Воронежской губернии Алексея о том, как к нему пришли две женщины. Первая убивалась от сознания одного совершенного ею страшного греха; другая поохивала: "Грешна, как все; знаете же, батюшка, невозможно жить и не грешить". И тот им наглядно показал, что это значит. Обеих он послал в поле; той, которая совершила один убивающий ее грех, он велел найти самый тяжелый булыжник, какой только она может поднять, и принести к нему; а второй велел собрать в фартук как можно больше камушков. Когда женщины пришли, он велел обеим вернуть булыжник и камушки точно на те же самые места, откуда они были взяты.

Первая прямо пошла к месту, откуда был взят камень, - его печать лежала в почве, поставила его на место и вернулась. А другая часами ходила и не могла вспомнить, где она подобрала тот или другой камешек. Так этот юродивый показал, что нельзя относиться небрежно к тому, что кажется ничтожным, но от чего никакими силами не отделаешься.

Я начал беседу с мысли о смерти. Каждую исповедь, которую приносим, мы должны бы приносить, словно она предсмертная: смерть у каждого из нас стоит за плечами. Никто из нас не знает, успеет ли он покаяться или нет; не потому, что он завтра умрет, а потому, что и через десять лет он может не вспомнить и не опомниться...

Наша обитель ведет пастырскую работу в ИТУ (переписка с заключенными, отправка им продуктов питания, одежды и т.д.). Для организации этой работы просим вас оказать посильную помощь в виде пожертвований согласно списка:

мыло туалетное и хозяйственное;
порошок стиральный;
шампунь для волос;
туалетная бумага;
гель для душа;
крема для лица и рук;
зубная паста;
зубные щетки;
тетради;
почтовые конверты с марками;
ручки;
консервы любые;
продукты быстрого приготовления;
чай;
сахар;
конфеты;
сгущенку;
кофе;
спортивные костюмы темного цвета разных размеров (мужские и женские);
тёплую одежду;
носки;
посыльные ящики разного объема;
Вашу помощь можно передать через церковную лавку.
Храни Вас Господь!

Расписание богослужений в Вознесенской Давидовой Пустыни

с 19 декабря по 6 января

19 декабря. Среда.

**Святителя Николая, архиепископа
Мир Ликийских, чудотворца.**

06:30 Часы. Божественная Литургия.

09:00 Часы. Божественная Литургия.

23 декабря. Воскресенье 29-е по 50-це.

Мучеников Мини, Ермогена и Евграфа.

06:30 Часы. Божественная Литургия.

09:00 Часы. Божественная Литургия.

30 декабря. Воскресенье 30-е по 50-це.

Неделя святых праотцов.

06:30 Часы. Божественная Литургия.

09:00 Часы. Божественная Литургия.

6 января. Воскресенье 31-е по 50-це.

Воскресенье перед Рождеством

Христовым, святых отцов.

Навечерие Рождества Христова.

(Рождественский сочельник).

06:30 Часы. Божественная Литургия.

09:00 Часы. Божественная Литургия.

В остальное время службы совершаются ежедневно в 8:00 и 17:00.

Реквизиты нашей обители для пожертвований.

Мужской Монастырь Вознесенская Давидова Пустынь

р/сч 40703810705700140580 в Чеховском филиале банка "Возрождение" (ОАО) в г.Чехове

ИНН 5048092577

КПП 504801001

БИК 044525181

к/с 30101810900000000181

Вопросы и пожелания можно отправлять по электронному адресу: monvdp@mail.ru.

Также приглашаем вас посетить наш ресурс в сети интернет www.davidova-pustyn.ru

Слова искренней благодарности от лица игумена монастыря "Вознесенская Давидова пустынь" выражаем коллективу Чеховского регионального телевидения "Чехов Вид" и издательству "Студия М" за деятельное участие в выпуске номеров издания.